

Цена 20 коп.
Индекс 72 996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

8
(997)

ISSN 0132-2141

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА

ОТЧЕТ АВТОРА О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ
тезисы

Со времени выхода предыдущей книжки. Как и было намечено. Еще выше. Еще глубже. Еще шире. И это в принципе для меня характерно. Всего лишь три года назад. А теперь уже. И давно. И прочно.

Приведу некоторые цифры. Пародии — на 7%. Рассказы — на 8%. А повести и пьесы на целых 9. Исходя из среднего. А если в пересчете на миллиметры, то вообще. Весомая победа. Ощутимый вклад. И это когда. Что вселяет надежду.

Нельзя не сказать и о. Потому что до сих пор еще не. Объективные трудности. Слишком короткий срок. Непроторенным путем. Нельзя не учесть и погодные условия.

Исходя из, буду и впредь. И выше. И глубже. И шире. С творческим подъемом. Прямым курсом. Неукоснительно. Так как знаю. А это — залог!

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 8

Мих. КАЗОВСКИЙ

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Литературные пародии

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1986

«Я НЕ ПИШУ ДЕТЕКТИВОВ!»

в лаборатории писателя

Сегодня мы в гостях у Епифана Самсанова — прозаика, автора таких, не побоимся этого чуждого нам слова, бестселлеров, как «Адрес милиции известен», «Бриллиантовый зуд», «Взорвать и разровнять», «Лучше смерти может быть только жизнь». Епифан Епифанович давно и прочно принадлежит тому поколению, которое знает, к чему стремиться. Неудивительно, что писатель целиком посвятил себя такому трудному, а порой и нелегкому жанру — приключенческой литературе.

— Я рос в обычной семье, — доверительно рассказал нам Самсанов, — в которой поэтому всегда было место подвигу. Мой отец стоял на часах. Вернее, сидел: он работал часовых дел мастером. Образно выражаясь, небо над головой охраняла и моя мать: она трудилась вахтером в обсерватории. Стало быть, еще с молоком я всосал настоящую цену хлебу, маслу, яйцам и шпротам. Это оставило неизгладимый след на всю жизнь. Трудовые мозоли — это понятие я натер себе с детства.

Да, тернистым был путь Епифана Самсанова в литературу: не один

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1986 г.

десяток лет он учился в школе, потом не окончил институт, переменял немало профессий и жен. Но куда ни бросала его судьба, будущий мастер остросюжетной интриги всегда оставался верным самому себе, своему стержню, своей изюминке, которую заботливо запекли в него добрые руки старших и младших товарищей. Но вот настоящая удача: роман! Роман с сотрудницей одного издательства, где выпускается литература для юношества.

— Первая книга писалась трудно, — вспоминает Епифан Епифанович, — целых две недели. Но уже в ней я определил свое кредо: убийства, погони, засады, бескомпромиссные схватки — это всего лишь фон, повод изобразить Человека — во всей его красоте и наготе. Я не пишу детективов, нет! Разве произведения Достоевского, изобилующие преступлениями, это детективы? Мы с Федором Михайловичем копаем глубже. Экстремальная ситуация для меня — своеобразная отмычка к той жизненной кассе, которую каждому уважающему себя писателю необходимо открыть.

Нам посчастливилось заглянуть на творческую кухню Самсанова: несколько табуреток, кухонный стол, мойка, электроплита — все это располагало к душевной беседе.

— Я пишу регулярно, — поделился Епифан Епифанович сокровенным, — с девяти до шести, перерыв на обед с двух до трех. Ну, естественно, суббота — короткий день, воскресенье — выходной. Вечно бываю недоволен уже готовым: каждую вещь хочется видоизменить, перекроить, а главное — переиздать.

— Многие ваши произведения экранизированы, — спросили мы, — что вы думаете по этому поводу?

— Мне всегда кажется, что при переводе моих книг на экран теряется их глубина, широта и особенно долгота. А это, знаете, больно ранит.

— И, наконец, традиционный вопрос: ваши творческие планы?

— Планы, как всегда, перспективные. На днях я уезжаю в поездку по странам Европы, Азии и Африки — собирать материалы о буднях участкового инспектора из таежного городка. В театре на Малой Маросейке принята моя новая пьеса «Линия отрыва» — в ней я пытаюсь освоить модный ныне жанр политической драмы: действие происходит во всех горячих точках планеты одновременно. И, наконец, на телевидении близятся к завершению съемки семнадцатисерийного фильма по моему сценарию — «Агент продолжает действовать». Эта полухисторическая картина расскажет об агенте царской разведки Сергее Сергееве, который по фальшивой легенде попадает в Америку, становится вице-президентом и возглавляет борьбу с рабовладельцами Юга...

Мы прощаемся с Епифаном Самсановым — человеком детективной судьбы, так много внесшим в нашу литературу и еще больше вынесшим из нее!

«ИСЦЕЛЕНИЕ» ПОЛЯ БАНДЕРОЛЯ

еще о врачевателях Океании

Публикуем (со вполне понятными сокращениями) репортаж северо-западного журналиста Поля Бандероля, а также комментарии нашего члена-корреспондента Д. Д. Тещенко (со вполне понятными добавлениями).

Поля Бандероль: «Я это испытал на себе!»

Года четыре назад в одной научной полемике мне откусили ухо. Как говорится, потеря небольшая, но фасад был слегка подпорчен. Я обращался в частные клиники Европы, килограммами пил гормоны, феноны и лимоны с мумиё, облучался и коагулировался, однако ухо не прорастало. Что было делать? И вот однажды мне на глаза попала заметка о таинственном врачевателе с острова Новый Саламандер. Мало веря в успех, я собрал свой дорожный кейс и отправился в Океанию.

Не стану описывать все путевые приключения. Меня душили удавы, я тонул в голубых лагунах, а дикие племена пытались выкрасть мои сигареты. И все же я добрался до цели. Нагие девушки в национальных сандалиях исполнили вокруг меня ритуальный танец. Нагие юноши с бумерангами в руках сделали то же самое. Нагие старухи провели меня в двухэтажную хижину, где сидели нагие мужчины. Среди них выделялся один — немочью, набедренной повязкой и обилием насекомых на теле. Я сразу понял, что это профессор.

— Ухо! — сказал я приветливо. — Надо шлеп-шлеп. Если можно.

— Шлеп-шлеп стбит мани-мани, — ответил кудесник.

Мы быстро договорились. Ученый усадил меня на цинковку, провел шершавой ладонью по моему виску и, отстранившись, с недюжинной силой плонул на место откушенного уха.

— Бай-бай, — произнес он удовлетворенно. — Кергуду, цоб-цоб!

Разгневанный этим шарлатанством и не заплатив ни единого цента, я покинул его хижину. Каково же было мое смущение, когда спустя сутки у меня проросло недостающее ухо! Со словами признательности я послал в далекую Океанию обещанный гонорар. Но вскоре деньги вернулись: по информации губернатора Нового Саламандера, старик скоропостижно скончался от насморка. Он унес в могилу тайну своего медицинского искусства...

Д. Д. Тещенко: «Дело не в слюне!»

Разочарую читателя: тайны не существует. Кто действительно поверит, что первобытнообщинный дед, в антисанитарных условиях,

без какой-либо медицинской аппаратуры, мог регенерировать сложный человеческий орган? (Речь идет именно о регенерации, а не о трансплантации, что могло бы выглядеть все же более убедительно.) Объяснение, на мой взгляд, кроется и не в составе слюны (сделать ее химический анализ теперь невозможно). Я склоняюсь к версии о самовнушении. При этом не отрицаю и элемент гипноза. Причем массового (вполне вероятно, что новое ухо — оптический обман). Не исключено и запоздалое срабатывание медикаментозных средств, применявшихся в частных клиниках (впрочем, что хорошее они могли прописать и, главное, за какую цену?!). Один факт, что океанский «профессор» скончался от насморка, сам говорит за себя. Хотелось бы подчеркнуть, что в нашей стране от насморка уже давно никто не умирал. Широко развитая сеть медицинских учреждений, своевременная диспансеризация, вакцинация и простая сморкация позволяют успешно бороться с этим недугом. Достаточно сказать, что если в 1980 году продолжительность течения насморка в крупных городах Союза составляла 7 суток, то к двухтысячному году она составит всего неделю!

Комментарий отдела международной гигиены: Комментарии излишни! Хочется только обратить внимание на такой аспект: хороши же научные полемики на северо-западе, в ходе которых участники лишаются ушей! Интересно, что теперь сам себе откусит Поля Бандероль после разоблачения нашей газеты? Ха-ха!

МОДА СЕГОДНЯ

мнение специалиста

Кончилось лето, и, как заметили наши постоянные читатели, не за горами уже зимушка-зима с ее контрастными воздушными массами. «Что же будет модно в этом демисезонье?» — этот взволнованный вопрос мы увидели в многочисленных письмах. Свое мнение по данному поводу высказывает заведующий сектором Центрального центра бытового дизайна и семейной икебаны Е. А. Полихлорвинилов:

— Грядущая мода представляется мне в достаточной мере традиционной. Отрезной лиф спортивного кроя, строгая линия бедра, слегка расклешенные оборки и талия реглан со стороны шеи. Вновь будут актуальны сочетания розового и моренго на фоне зеленого в крупный рубчик. Но это мы рекомендуем только для женщин. Кстати, будут и некоторые сюрпризы: например, свободные лацканы с набивными плечами все чаще станут приходить на смену боковым вытачкам на кокетке — 5—10 сантиметров выше колена. Но это мы рекомендуем только для девушек. Надо заметить, что вельвет по-прежнему хорошо дополняет парусину, крепдешин — креп-

жоржет, а сапоги «манная каша» нельзя надевать вместе с курткой на рыбьем меху. Теперь несколько слов о макияже. В холодное время года будут модны голубые глаза с естественными ресницами, хотя брови придется перевести на несколько порядков выше обычного. Губы слегка припухлые, цельнокроенные, зауженные по краям. К повседневному лицу пойдут обыкновенные духи цветочного направления, но зато к лицу вечернему, особо торжественному, в гамму запахов надо включать ярко выраженную фантазийную струю. Это впечатляет.

И, наконец, о мужчинах. Темно-серое у них все решительнее вытесняется серо-коричневым. Юноша-спортсмен и мужчина-интеллектуал — вот два основных типа, которые мы рекомендуем в качестве эталонных. Первый хорошо komponуется с плащевой тканью, второй — с контрастной строчкой по дорогой материи.

Ну, и, конечно же, кроссовки. Для всех возрастных категорий. Дома, на работе, в театре, на овощной базе — в них всегда уютно и радостно. К сожалению, наша промышленность еще не может полностью удовлетворить кроссовками всех желающих. Однако и в этом деле наметился явный сдвиг: в Северной Блондинии нами закуплена специальная фабрика, которая уже в четвертом квартале 1989 года выпустит первую пробную пару.

Счастливого вам одеться-обуться, друзья!

БУТЕРБРОДНЫЕ ПОСИДЕЛКИ

телевечер воспоминаний

ВЕДУЩИЙ. Дорогие товарищи! Сегодня мы собрались в этой уютной каминной гостиной Центрального дома бутербродника, чтобы немножко, непринужденно так, по-товарищески повспоминать. Ведь нам есть о чем вспомнить! Ровно сто четырнадцать лет назад Иван Феофилов открыл у нас первую бутербродную и заложил тем самым основы бутербродного дела на Среднерусской возвышенности. Вообще Иван Феофилов любил закладывать... Но кто знал его лучше, чем современники? О своем учителе мы просим рассказать старейшего бутербродника страны, никак не увядающего Семена Борисовича Паркинсонова.

ПАРКИНСОНОВ. Мне посчастливилось заниматься бутербродным мастерством у самого Феофилова. Как сейчас помню, мы занимались у него мастерством. Он преподавал, а мы занимались. Именно мастерством, и ничем иным. И я очень рад, что именно Иван Феофилов передал мне секреты своего мастерства, которыми он владел в изобилии.

ВЕДУЩИЙ. Семен Борисович, а вы не споете? Ведь всем известно,

как Иван Феофилов любил музыку. Простую, раздольную — например, Леонкавалло или Доницетти.

ПАРКИНСОНОВ. Да. Бывало, сидит, сидит — и вдруг как затянет арию или каватину. Мы аж вздрагивали... Сегодня я попробую вам напеть — вернее, наговорить — первый акт из оперы Пуччини «Богема». Мне в этом поможет струнный секстет из бутербродной номер один. (Самозабвенно шамкает текст оперы.)

ВЕДУЩИЙ. Спасибо огромное, мудрый Семен Борисович! Долгих вам лет бутербродного творчества!.. А теперь попросим поделиться воспоминаниями своей недавней поездки Раису Максимовну Иванову-заде. Скажите, Раиса Максимовна, далеко ли вас посылали?

ИВАНОВА-ЗАДЕ. Очень далеко. Я обучала рецептам бутербродов наших друзей из Южного Заруханда. Первое время было нелегко: пришлось преодолевать языковой барьер и ограждать себя от поползновений сделать из меня бутерброд. Впрочем, скоро мы подружились. Обогащение было взаимным: мне удалось вывезти несколько рецептов национальных бутербродов — с ананасными листьями, с банановой кожурой, с вяленным мясом гремучей змеи.

ВЕДУЩИЙ. Раиса Максимовна, а может, вы нам споете? Наверняка в Южном Заруханде вы записывали не только рецепты, но и песни?

ИВАНОВА-ЗАДЕ. Ну, разумеется. Я рискну воспроизвести одну южнозарухандскую песню «Зачем вы, девочки, кудрявых любите?». Краткий перевод: спрятались в джунглях пальмы, поникли баобабы, рябит вода в океане... Зачем вы, девочки, кудрявых любите, ведь они такие свистуны!.. Дело в том, что язык местных жителей целиком основан на свисте. (Самозабвенно свистит.)

ВЕДУЩИЙ. Как это тонко! Новых вам поездок, Раиса Максимовна, нового обогащения!.. А теперь просим вступить с нами в разговор создателя молодежной студии-бутербродной Глеба Митрофановича Шустрилло. Вспомните, пожалуйста, что побудило вас к этому?

ШУСТРИЛЛО. Общение с девственными душами всегда где-то омолаживает, встряхивает, я бы даже сказал, возбуждает. Я давно был озабочен поисками новых форм... И благодаря молодежной студии поиск этот стал носить целенаправленный характер. Было где развернуться моим потенциям!

ВЕДУЩИЙ. Глеб Митрофанович, а почему бы вам не спеть? Мы же знаем: вы сами пишите и музыку и слова. А ваша песня «Одинокий бутерброд» стала сенсацией среди меломанов!

ШУСТРИЛЛО. Сегодня я не в голосе да и не в духе. Вместо меня споют и спляшут мои многочисленные воспитанники. Пожалуйста, ребята!

(Выбегают юноши и девушки — сплошь в свитерах и джинсах, машут руками, самозабвенно выкрикивают под музыку что-то очень современное.)

ВЕДУЩИЙ. Безмерное всем спасибо! А между тем вечер бутербродных воспоминаний подходит к концу. Многие мы помянули. Но многое еще осталось за кадром. Поэтому, я надеюсь, мы еще не раз соберемся в этой уютной каминной гостиной и попереживаем еще не один бутерброд! Спасибо за терпение!

В КОСМОС И ОБРАТНО

Сегодня, когда работа на орбитальных комплексах сделалась повседневностью, тема космических полетов перестала быть монополией писателей-фантастов. Скоро, очень скоро за нее возьмутся наши «серьезные» прозаики. Вот как, на взгляд автора, это может выглядеть у некоторых из них...

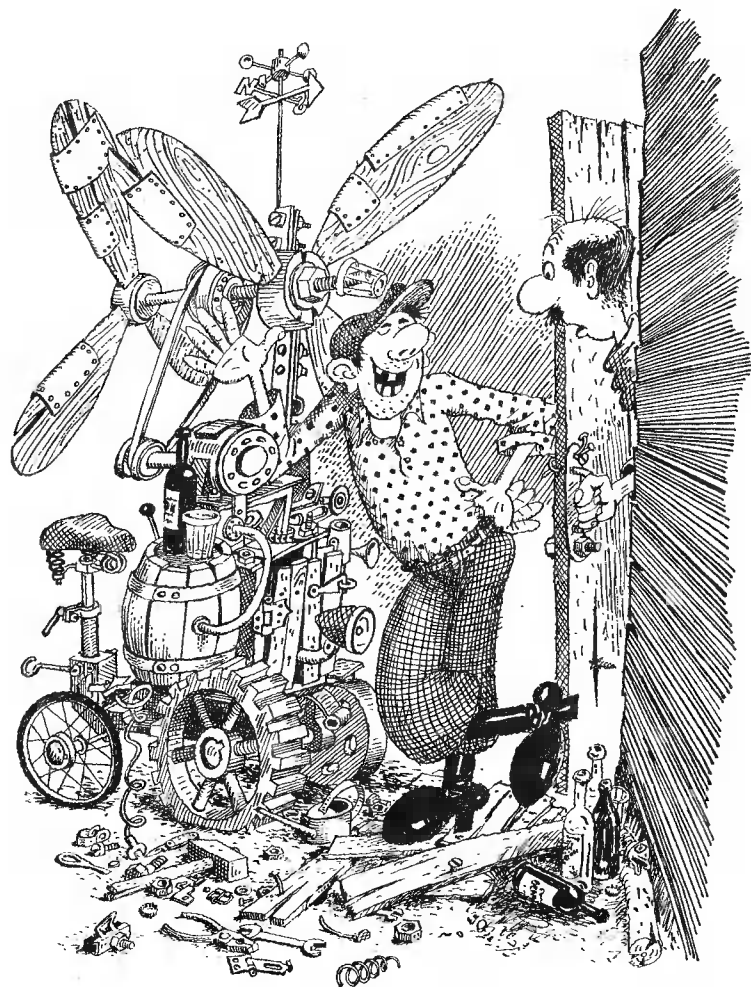
Бухтина двадцать седьмая, космическая
(Василий Белов)

Дело было так. Сват Андрей у себя в курятнике ероплан сколотил. Космической. Долго ладил, недели три. А потом зовет меня: «Гляди,— говорит,— Михеич, чево выдрючилось». Я гляжу: трактор не трактор, но с прицепом. «А прицеп на кой?» — спрашиваю. «Возвртаемый аппарат,— отвечает Андрюха.— Под названием «Шастл». Туды-сюды шастает». Я все одно сумлеваюсь, говорю: «Ну, а как не взлетит? Засмеют же люди!» Но сват уперся, рукой машет: «Взлетит! Ежели карасину хватит, элементарно взлетит!»

Ладно. Тут как раз страстная неделя проходит — сидим, разговляемся. Глядь — Маруська бежит, Андреева баба, моя сватья, и ревет что есть мочи: «Улетел, улетел! Люди добрые, подсобите!» Мы аж рты пораскрывали от изумления. После — в курятник. Точно, нет ероплана, сотона ему в ухо! И дыра в потолке. Чернущая-пречернущая. Самогонкой разит.

Ну, понятное дело, балясы точим только про Андрейку: как он там в космическом пространстве и чем опять это обернется — либо медаль ему повесют, либо в тюрьму за самоволку посадют. Космос тебе не баня, понимать нужно. Однако ж газеты сохраняют молчание, обратно же телевизир — ни твою мать. Мы волноваться почали, ан глядь — Андрюха приползает. Весь оборванный, грязный, без сапог и без кепки, лицо белое, руки-ноги как в лихманке. Мы его обступили и говорим: «Ну, как там? Погано?» «Ох,— говорит Андрей,— хуже не бывает. Все деньги, что были, за неделю спустил!» Ну, думаем — космос! Мать его перемать!

Хотели еще у Андрея выпросить, но, видно, человеку и так досталось, бог с ним! Обратно же от Маруски ему влетело: как

увидела сваю супружника в таком виде, ну поленом охаживать! «Я тебе,— кричит,— покажу космос! Я тебе устрою «Союз — Аполлон», пьяница проклятый!» Так и не поняла, что Андрюха космической полет совершил. И вы не верите? Дело ваше, хозяйское. Я могу и не рассказывать...

**Алмазный мой рыбец
(Валентин Катаев)**

...следовательно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так сказал кто-то из моих великих друзей. А может, и я (что-то странное происходит с моей памятью). Жажда новизны не покидала меня с детства. Впоследствии этот метод окрестили «новизмом»...

Мы летали в космос еще с той поры, когда жили в городе белой акации у самого Черного моря. Я не буду приводить его подлинного названия, скажу только, что начинается он с прописной буквы О, похожей на иллюминатор космической ракеты. Билетами в космос торговали на Привозе. Цена была не такая уж малая — десять копеек серебром, — и не каждый из нас, юных гениев Молдаванки и Дерибасовской, мог позволить себе такую роскошь.

В созвездии Рыб я побывал прошлым летом. Мы с женой спустились по трапу: в красном небе, невысоко над горизонтом, рыбьими глазами смотрели три звезды. Откуда мог знать рыбец, что небо здесь красное? Ведь у него никогда не было лишних десяти копеек серебром!..

Если серебро хорошенько начистить, оно будет сверкать, как алмаз. В доме моего отца столовое серебро хранилось в боковом ящике буфета. Однажды я украл серебряную вилку и продал знакомому мальчику из реального училища за десять копеек. Мне хотелось побывать в космосе. Жажда новизны...

Рыбец умер от инфлюэнцы в трехмесячном возрасте. Он уже тогда писал белые стихи. Мы все развивались очень быстро. Помню, как он, высунувшись из люльки, громко декламировал своим веселым, слегка надтреснутым голосом:

Красное небо в созвездии Рыб,
Словно кетовое мясо...

Впрочем, вполне возможно, это написал не рыбец, а Капитан, с которым я познакомился у свистульки. Свистулька был женат на родной сестре экзекутора, еще в двенадцатом году перешедшего на

сторону белых. Так мы называли тех, кто любил белое вино и белые танцы...

...один раз увидеть!..

Жажда новизны гонит меня вперед и вперед. «Один только раз!» — шепчу я, натягивая на посеребренную голову алмазный мой шлемофон. Я лечу посреди галактик. От меня серебряными копейками отскакивает космическое вещество, похожее на рыбу чешую...

Космодром (Илья Штемлер)

Рядовой боец военизированной охраны космодрома имени Артура Хейли — а попросту говоря, сторож Степаныч — принялся за обход объекта в двадцать ноль-ноль. Степаныч служил здесь больше сорока лет, еще с тех времен, когда «Артур Хейли» считался космодромом секретного типа. Сторож хорошо помнил, как сюда приезжало большое начальство, то и дело взлетали ракеты, а военизированной охране выдавали не только махорку, но и боевые патроны к праздникам. С тех пор многое изменилось. Пришел в негодность и обветшал стартовый комплекс, заржавели подъездные пути, а из хранилища водорода кто-то украл весь наличный газ. Степанычу предлагали уйти на космодром имени Ильи Штемлера, модный и красивый, но Степаныч не торопился, раздумывал. Все еще надеялся, что будет и на их стартовом столе праздник.

Повинуясь многолетней привычке, сторож осмотрел кабель-заправочную башню, гусеничный транспортер, газоотражатель. Все было на месте, кроме выносного командного пункта, который вынесли еще летом неизвестно куда.

— Ну, дежурим? — раздалось за спиной у старика. Степаныч крутанул голову и высветил незнакомца фонариком на быстрых нейтронах. Это был Финтич, новый начальник космодрома, назначенный неделю назад.

— Что это вам не спится, Олег Ягуарьевич? — вздохнул сторож, потирая спину, некогда обожженную радиоактивным топливом.

— Все, понимаешь, дела... — ответил начальник и протянул деду американские сигареты. — Н-а, кури.

— Не позволено, — отстранился Степаныч, почесывая затылок, некогда ушибленный третьей ступенью, отделившейся от ракеты. — Помнится, лет пять назад закурил тут один такой — как шаракнуло! — ноги у него пошли в перигей, а голова в апогее оказалась. Мерикианцы твои свистели: неопознанный летающий объект объявился!..

— Сегодня можно, — подмигнул Финтич. — Представляешь, дед,

скоро эшелоны с новейшим оборудованием повернут не на «Илью Штемлера», а к нам! Ну, пришлось попотеть, конечно... Всех заинтересованных лиц в дубленки одел, в пиджаки из кожи, вельвет...

— Ох, и попадет тебе, Олег Ягуарьевич, — покачал головой старик. — Гляди, сядешь!

— Посадка будет мягкой, в заданном районе! — засмеялся начальник. — Не дрейфь, старик! Завтра тебе боевые патроны выдадим!

— Да я... да за это... — Степаныч стал тереть правый глаз, выбитый стропами парашюта командного отсека.

Над космодромом имени Артура Хейли вставала луна, похожая на медную пуговицу от дефицитного в наших универсамах импортного блайзера.

Переулками Альфы Центавра (Юрий Нагибин)

Я с моим другом инженером Матвеевым давно хотел смотаться на Альфу Центавра, побродить по ее старинным улочкам, похожим на тупики Пречистенки и Стромынки, поговорить с тамошними аборигенами. Но выкроить время не удавалось: то очередной сценарий про очередного великого композитора буксовал в недрах Госкино, то горела путевка в Северную Австралию, то Матвеев разбирал на части свою ракету и никак не удосуживался собрать ее вновь. И все-таки наступил счастливый миг отправления: взревели моторы, за стеклом иллюминаторов промелькнули переулки моего детства, такие родные, много раз описанные и переизданные, и черный космос обмотал наш корабль лоскутным одеялом своих галактик. Матвеев смело дергал рычаги управления, а я погрузился в извечные мысли свои о мире, о доме, о предназначении гения. «Что было у Пушкина с Фикельмон?» — эта мысль оказалась последней перед тем, как на меня навалилась тревожная дрема.

Альфа Центавра встретила нас теплым дождиком, такой знакомой земной грязью и запахом садовых фиалок (откуда они в такой пропасти?). Мы скакали с Матвеевым с кочки на кочку, лавируя между лужами, и были не рады своему путешествию, как внезапно прилетел местный житель на летающей кастрюльке. Его доброе светло-зеленое лицо сияло гостеприимством.

— Вы никак с Земли, граждане? — первым заговорил абориген. — Ну, добро пожаловать. Может, ко мне? Разносолов не обещаю, а чайку вам налью.

Он познакомил нас со своей семьей. Такая же зеленая, как и он, жена — немного сутулая, с добрыми натруженными щупальцами; двое детей — сын и дочь, как два огурчика с грядки, даже в пупы-

рышках,— любопытные, смешливые. Все они сели рядом и затянули свои народные альфацентаврские припевки.

— А у миленьочка маво шупальцы пригожия...— выводила жена — тоненько, на каких-то ультразвуках, и дети вторили ей фальцетом и дискантом. А мысли неотступно возвращались к Земле, к людям, к новой заявке на новую книгу невыдуманных историй, десять печатных листов, договор на которую был уже подписан.

**Бомба для экипажа
(Ю л и а н Семенов)**

США, Аризона, космодром имени Тома Сойера, 13 апреля, 16 часов 42 минуты

Каперс поднял глаза и заметил клинышек воробьев, летящих высоко в небе. Сразу вспомнилась жена, Майя, которую он видел всего один раз, много лет назад, в лондонской подземке. Тогда Каперсу предстояло внедриться в генеральный совет фирмы «Интеллектуэл фрут корпорейшн», чтобы узнать секрет изготовления жевательной резинки. Перед этой операцией командование организовало его встречу с женой — днем, конспиративно, в гуще метро. Каперс ехал возле окна вагона, а жена стояла на платформе — такая домашняя, родная, в оренбургском пуховом платке и джинсах «Вранглер»...

— Не грусти, парень! — хлопнул его по плечу командир корабля. — Все будет о'кей! Скоро подъем.

Каперс опустил стекло гермошлема и надел перчатки. Ракета вздрогнула.

Информация к размышлению

ЭДВАРД Х. КАПЕРС (из секретного досье ЦРУ): «Андрей Андреевич Иванов, резидент царской контрразведки с начала века. Позывные: Юозас, Альберт и Макуха. Связь с центром потерял в 1916 году и с тех пор действует автономно. Характер упрямый, нордический. На все предложения о сотрудничестве ответил отказом. В настоящее время внедрился в группу астронавтов с целью совершить околоземный полет...»

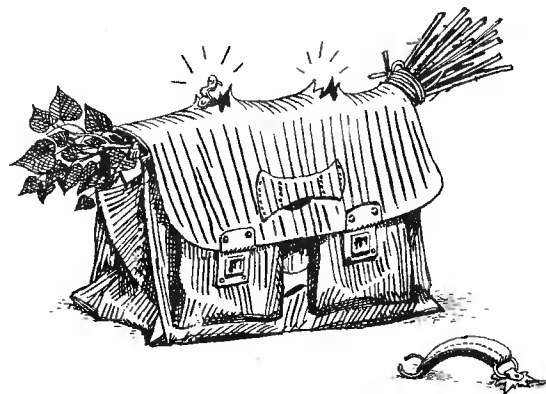
США, Аризона, космодром имени Тома Сойера, 13 апреля, 16 часов 42,5 минуты

Каперс знал, что астронавты во время перегрузок стонут «папа» на своем родном языке. Значит, он будет делать это по-русски. Неужели провал?

«Ну, это мы еще посмотрим,— подумал Каперс.— Во-первых, русский я уже практически забыл. Во-вторых, слово «папа» на всех европейских языках звучит примерно одинаково. И в-третьих, кто об этом сообщит ЦРУ? Весь экипаж мною завербован, они работают только на меня...» Каперс улыбнулся глазами. Он позволял себе немного расслабиться — изредка, потаенно, перед настоящим заданием...

Я ТЕБЯ УВАЖАЮ!

Комедия-шутка
в одном пол-литре без перерыва

Действующие лица:

ЛЮБА
СТАС, ее муж
ИГОРЯША, ее поклонник

Действие происходит в современной квартире: прихожая, кухня, комната. **Л ю б а**, симпатичная молодая женщина, в домашнем халате и фартуке, раскрасневшаяся от горячей плиты, на кухне мешает ложкой в кастрюле.

Л ю б а (поет вполголоса).

«...Не отрекаются, любя,
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,

А ты придешь — совсем внезапно...

Не отрекаются, любя...»

(Смотрит на часы.) Половина третьего! Куда это он пропал? Не случилось бы чего... Каждое воскресенье одно и то же! (Звонок в дверь.) Та-ак... Звонит. Потерял ключи!.. Ну, я ему сейчас выдам! (Решительно идет в прихожую, распахивает входную дверь, кричит.) Совесть у тебя есть?!

В дверях виден большой букет цветов. Из-за него показывается испуганное лицо худощавого блондинчика в очках. Это Игорьша. Ему чуть за тридцать, он в строгом темном костюме, галстуке, белой рубашке.

Игорьяша. Люба, это я. Вы не рады?

Люба. Игорьяша? Вы?

Игорьяша. Да, Люба. Я пришел. Потому что не смог...

Люба. Уходите. Уходите немедленно!

Игорьяша. Вы... меня гоните? Это ваше последнее слово?

Люба. Да, да! Он с минуты на минуту должен быть... Я не хочу, слышите?

Игорьяша. Вы не хотите... вы боитесь... вы не решаетесь вырваться из плена кухонных страстишек... (Медленно садится на табурет.) Я знал, я предвидел. У меня сердце ныло! Но мне казалось... Вот — купил цветов. (Отдает ей букет.) Это вам.

Люба. Никогда! Заберите! Что подумает Стас?

Игорьяша. О-о, вы заботитесь о Стасе!..

Люба. Конечно.

Игорьяша. Об этом чудовище, монстре, изверге...

Люба. Не говорите так. Он отец моего ребенка.

Игорьяша. Это не заслуга, это улика!

Люба. И вообще мои семейные дела вас не касаются.

Игорьяша. Ах, так?

Люба. Да, так.

Игорьяша. Тогда прощайте. Мы больше никогда не увидимся. Вы сделали выбор... Сегодня ночью я отправляюсь...

Люба. Куда?

Игорьяша. В дальний путь... Как это у Шекспира? «Сюда, сюда, угрюмый перевозчик! Пора разбить потрепанный корабль с разбегу о береговые скалы!» Мой корабль отплывает нынче вечером.

Люба. Какой корабль? Вы что, едете в круиз?

Игорьяша. Эх, Люба, Люба! «В круиз!» Еще скажите — по соцстраховской путевке!.. Нет, моя хорошая, чудная, удивительная женщина... Это путевка в дом отдыха. Вечного!

Люба. Это не смешно.

Игорьяша. Я не шучу. Все уже готово: петля, мыло, табуретка. Вы отказали мне. И теперь...

Люба. Перестаньте глупости говорить.

Игорьяша. Отнюдь. Как это пишется? «Находясь в здравом уме и твердой памяти... В моей смерти прошу винить Любу А.».

Люба. Да вы... вы... просто психованный мальчишка!

Игорьяша. Мерси боку. Там, в пансионате, вы говорили другое.

Люба. Забыла!

Игорьяша. Будто бы? У вас честные глаза, они не могут обманывать. (Берет ее за плечи.) Боже мой, Люба! Опомнитесь, очнитесь! Неужели вы отреклись от всего, что было?

Люба. Отпустите меня. Ничего не было!

Игорьяша. Мы встречались у заднего крыльца пищеблока... Бросали камешки в пруд... Люба! Эта память священна!

Люба. Нет, нет... (Хочет вырваться.)

Игорьяша. Налетал ветер... Он шевелил ваши волосы... От них пахло весной и перегнившими листьями... (Прикасается щекой к ее волосам.) Люба... милая... хорошая...

Люба (приникает к нему, потом отстраняется). Нет, ни за что! Вам это показалось, приснилось... У меня замечательная семья, умный муж, сын учится на одни пятерки.

Игорьяша. Неправда! У него двойка по физкультуре!

Люба. Это потому, что мы ему не купили белых тапочек. Новый учитель физкультуры велел детям быть в белых тапочках. А мы Родиону не достали!

Игорьяша. Это не оправдание.

Люба. Он исправит.

Игорьяша. Я не о двойке, я вообще! Станислав Васильевич увлек вас энергией, силой, своим здоровьем... Вы были тогда наивны, неопытны... Но теперь! Теперь, Люба! Сами видите, как вы далеки друг от друга!

Люба. Игорьяша, оставьте...

Игорьяша. Вы разные люди. Его интеллект угас в эмбриональном состоянии. В нем много плоти, но мало духа! А вы... вы, Люба... С вашей тонкой душевной организацией, высокими чувствами... Вы поэт по своей натуре! Ваши уроки домоводства сродни поэме, написанной октавами!

Люба. Сын у нас... Родька...

Игорьяша. Вашему сыну необходим другой отец. Который смог бы привить ребенку все культурное наследие человечества.

Люба. Не травите мне душу!

Игорьяша. Я сказал истину!

Люба. Нет, не могу.

Игорьяша. Решиться порвать оковы, из подвала выйти, как Вера Пална?

Люба. Кто это — Вера Пална?

Игоряша. А, что там говорить! Прощайте!

Люба. Постойте! Постойте... Прошу вас... Ваш приход... слова эти... Игорь, вы же знаете, как я вас уважаю... Мы люди простые: муж преподаёт столярное дело, я — домоводство... И, конечно, по сравнению с вами, знатоком литературы, русского языка... Там, в пансионате, вы открыли передо мной такие высоты... Но поймите: я из тех женщин, которые дорожат семейным уютом.

Игоряша. Это не уют, а болото!

Люба. Это не болото, а мой мир...

Игоряша. Это не ваш мир, это его мир! Вы должны быть выше, чище...

Люба. Невозможно...

Игоряша. Нет, возможно! Если есть верный человек, верный друг... Ну, решайтесь!

Люба. Я не знаю... Боюсь!.. Вдруг обидится Стас?

Игоряша. Прочь сомнения, мерехлюндии! Я вам делаю официальное предложение: будьте моей женой! Да или нет? Сына я удочерю!

Люба (*испуганно*). Тише, тише!

Игоряша. Что такое?

Люба. Лифт приехал!

Игоряша. Ну, лифт.

Люба. Он со Стасом! Господи! Мы погибли — и вы и я...

Игоряша. Без паники. Мы все ему скажем.

Люба. Молчите. Скорее! (*Толкает его.*)

Игоряша. Куда вы меня пихаете?

Люба. Куда-нибудь... В ванную! (*Сует ему букет.*)

Игоряша. Как это пошло! (*Скрывается за дверью в ванную.*)

В этот момент входит Стас. Он высок, широкоплеч, мощен. Мокрые курчавые волосы на лбу. Румянец во всю щеку. В руке портфель.

Стас. Упарился! (*Садится на табурет, ставит портфель.*) Сил моих больше нету.

Люба. С этой баней... Совсем чокнулся! Посмотри на себя: глаза красные, весь набухший какой-то.

Стас. Дай водицы испить.

Люба. Четыре часа в парилке! Где это видано? (*Идет на кухню.*)

Стас. Ты, мать, ничего не понимаешь.

Люба. Где уж нам уж выйти замуж.

Стас. Русский человек не может... без финской бани!

Люба (*подает ему воду*). Все хорошо в меру.

Стас (*пьет*). «В меру»! Нет в тебе размаха, удали...

Люба. Зато в тебе размах — дальше некуда. Если пить — так ведрами. Если гулять — так сутками. Если париться — то до инфаркта!

Стас. А иначе — скучно...

Люба. Я думаю, скучно: все интересы — набить живот, поспать, в баню сходить и вот это... (*Щелкает себя по ще.*) Нет чтобы книжку почитать, стихотворение наизусть выучить...

Стас. Ты что, угорела?

Люба. Может быть... (*Пауза.*) Ладно, сейчас кормить буду.

Стас. Это дело! (*Хочет пройти в ванную.*)

Люба. Ты куда? Не успел из бани прийти — опять мыться!

Стас. Я не мыться, я простынку повесить.

Люба. Дай мне, сама повешу.

Стас. Ничего, я управлюсь.

Люба. Отдыхать иди. Я сама. (*Тянет у него из рук портфель.*)

Стас (*не пускает*). Ты чего? Взялась? Я повешу сам! Я хочу повесить!

Люба. Белье и кухня — женское дело.

Вцепившись в портфель, тянут его в разные стороны.

Стас. Вот и готовь обед. Пусти.

Люба. Не пущу.

Стас. Я тебе муж или не муж?

Люба. Муж! Обьелся груш!

Стас. Поговори у меня...

Люба. Ах, какие мы страшные...

Борются. Ручка у портфеля обрывается, Стас отлетает в сторону, ударяется спиной о дверь ванной. Там с грохотом падает что-то железное.

Стас. Это что?

Люба. Таз упал.

Стас. Ну-ка посмотрю...

Люба. Что тебе смотреть? Что тебе там надо все время? В ванную ему да в ванную! Не может прожить без ванной! Чистюля! Аккуратист!

Стас. Дай пройти.

Люба. Не дам.

Стас. А я говорю: дай пройти.

Люба. А я говорю: не дам.

Стас. Хуже будет. По-хорошему прошу.

Люба. Не пугай. Пуганые мы уже.

Стас. Да я... (*Замахивается на нее, Люба визжит.*)

Из ванной выбегает Игоряша, бьет букетом Стаса.

Игоряша. Не смейте! Не смейте поднимать руку на женщину!
На педагога! На мать!

Стас. Игорь... Иванович? Это вы?!

Игоряша (одергивая пиджак, величественно). Да. Как видите.
Я пришел с тем, чтобы сказать...

Люба. ...что Родька получил пятерку за сочинение.

Игоряша. Да, он получил, но...

Люба. Игорь Иванович пришел поздравить с цветами!

Стас. А я... подумал было... Эх, бабы! (Смеется.) Перепарился,
видно... (Любе.) Что ж не предупредила, что гости у нас... дорогие...
коллеги по работе... Большая честь... В вазу цветы поставь. И на стол
накрой. Того, сего... В общем, ясно?

Игоряша. Право, Станислав Васильевич, это лишнее.

Стас. Надо, надо. Посидим рядком, запишем медком... Как
в старину говорили: чем бог послал. Проходите, не сомневайтесь.

Люба удаляется на кухню, мужчины проходят в комнату.

Стас. Пожалуйста, садитесь. Неловко, знаете, получилось.
Можете подумать, что я ее бью. Это ж только так — для испуга.
С бабами иначе нельзя. Я хотел сказать, с женщинами.

Игоряша. Да, эмансипация дурно влияет на них. Прежнюю
кротость уже не встретишь. Увы!

Стас. И потом — парная. Ум за разум зашел...

Игоряша. В бане мылись?

Стас. По высшему разряду. Способствует, знаете... И в газетах
писали: кровь начинает циркулировать, вредные вещества выходят.
Ну, и пиво, конечно.

Игоряша. Пиво — это хорошо.

Стас. Пьете?

Игоряша. Нет, ну что вы! Я совсем не пью.

Стас. И я не пью. После первого июня — ни бже мой. В рот не
беру. Отрава! Так если только — после бани. Кружечку-другую.
Баловства ради.

Игоряша. Пиво — другое дело. В нем даже витамины есть.

Стас. Ну, а как же! И много. Я по себе чувствую.

Игоряша. Но вообще алкоголь — это яд. Он разлагает
интеллект, пагубно влияет на психику. В сущности, это допинг. Для
духовно отсталых.

Стас. Да... Пьянству — бой. Всем миром, как говорится...

Игоряша. Особенно нетерпимо пьянство среди наших с вами
воспитанников. Алкоголизм и дети — две вещи несовместные.

Стас. Я бы этих стервецов сек. Честное слово, Игорь Иванович, была б моя воля... Помните случай с Федькой Артюхиным? Педсовет еще заседал... Вот поганец!

Игоряша. Это все влияние улицы, окружающей среды. Сначала сигарета, потом выпивка... Вы не курите?

Стас. Я?.. Как вам сказать?.. Бросаю.

Игоряша. Я тоже решил. *(Достаёт сигареты, даёт Стасу, берёт, сам.)*

Стас. Благодарю...

Мужчины закуривают.

Игоряша. Никотин — яд. Строго говоря — наркотик. В нем навалом канцерогенных веществ.

Стас. Отрава! В туалет для мальчиков зайдешь — дышать нечем. Я бы этих подлецов сек. Больше пользы бы было. А то — сю-сю-сю, лю-лю-лю. Они и пользуются нашей добротой.

Игоряша. Телесные наказания не метод. Это варварство. Но иногда... в редких случаях... как высшая мера...

Входит Люба: она несет закуску.

Стас. А вот и Любовь...

Игоряша. Да, любовь... Кстати, о любви, Станислав Васильевич. Я ведь к вам по делу пришел. Конечно, это может показаться несколько странным...

Стас. О делах потом. Сперва выпьем, закусим... *(Достаёт из буфета бутылку с чем-то темным.)* Садись, Люба.

Игоряша. Я не пью.

Стас. А я пью? Чисто символически... за встречу... после баньки... Люба, садись.

Люба. Мне некогда. Вы уж сами.

Игоряша. Любовь Пантелеймоновна, я прошу вас не уходить. Речь пойдет о нас. Я хочу открыться. Во всем.

Люба. То есть... как?!

Игоряша. Обыкновенно. Что здесь такого? Станислав Васильевич, я люблю вашу жену.

Стас. Ее все любят, особенно дети.

Игоряша. Я — не как дети. Я — как мужчина женщину. Как Тристан — Изольду. Как Дафнис — Хлою. Как Штирлиц — свою жену!

Стас. Да, но... Штирлиц-то свою жену любил, между прочим.

Игоряша. Вот. Поэтому я и Люба решили узаконить наши с ней отношения.

Стас. От-но-ше-ни-я?..

Люба. Никаких отношений не было. Стас, поверь, я и он...

Игоряша. Это случилось летом, в пансионате. Вы тогда еще работали в пионерском лагере... А мы в это время... понимаем...

Стас. Понимаю!..

Игоряша. Духовная близость... созвучие сердец... Я увидел в Любви Пантелеймоновне глубоко страдающую, одинокую, непонятую женщину... Она тоже потянулась ко мне...

Люба. Не тянулась я!

Игоряша. Внезапно вспыхнувшая страсть, экстаз взаимопонимания...

Стас. Я-ясенько...

Люба. Что тебе «ясенько»? Все было по-другому.

Стас. При живом муже, значит... стоило ему отлучиться... *(Взгравает)*

Игоряша. Станислав Васильевич, не будите в себе зверя.

Стас. Молчать! Я вас уничтожу. *(Медленно встает.)*

Игоряша *(встает, пятится)*. Будьте благоразумны...

Люба. Стас, прекрати!

Стас *(отодвигая ее)*. С тобой после. Сперва его ткну.

Игоряша. Посмейте только! Я буду жаловаться! Я превышу пределы допустимой обороны! *(Хватает бутылку с настойкой, угрожающе замахивается ею.)*

Люба кричит.

Стас. Положь бутылку.

Игоряша. Что?

Стас. Положь, говорю, бутылку.

Игоряша. И не подумаю!

Стас. Положь. Я тебя не трону.

Игоряша. Слово благородного человека?

Стас. Да, да! Чтоб ты провалился...

Игоряша. Смотрите, вы обещали... *(Нерешительно ставит бутылку.)*

Стас. Так-то вот. И не касайся ее, понял? Не ровен час — расплескаешь... А настойке этой цены нет!

Игоряша. Алкоголь — яд.

Стас. Сам ты яд. *(Открывает пробку.)* Н-а, нюхай.

Игоряша *(нюхает)*. М-м... Запах симпатичный.

Стас. По особому рецепту. *(Наливает.)* Из поколения в поколение... Ну, отпей!

Игоряша. Вы меня заинтриговали... *(Делает глоток.)* О-о, какой букет! *(Пьет.)*

Люба. Игорь Иванович, вы?..

Игоряша. Я потрясен! Это неслыханно!..
 Стас. Понял теперь? *(Наливает себе, пьет.)*
 Игоряша. Как вы добились этого?
 Стас. Секрет фирмы.
 Игоряша. Ну, не таитесь, прошу вас!
 Стас. Тебе нет доверия. Ты в мою семью вполз... как питон!
 Игоряша. Помилуйте, какой же я питон?
 Стас. Известно, какой.
 Игоряша. В сущности, я жертва питона — зайчик. Прыгаю, пока не съедят...
 Стас. Холостой одинокий зайчик. Прыг-скок!
 Игоряша. Не обижайте меня. Я сознаюсь: этого не было. Мы не перешли ту черту, которая...
 Стас. Тут без пол-литра не разберешься. *(Наливает.)* Выпьем.
 Игоряша. Выпьем.
 Люба. Игорь Иванович! Стас! Что вы делаете?
 Игоряша *(пьет)*. Не мешайте пока, Любовь Пантелеймоновна.
 К нашей проблеме мы еще возвратимся.
 Люба. Но это же... вы казались мне...
 Стас. Сказано тебе — не мешай. После, после...
 Люба. Ладно... мешать не буду! *(Уходит.)*
 Стас *(смакуя)*. Здоровя!..
 Игоряша *(допив)*. Хорошшш...
 Стас. Чуешь?
 Игоряша. Ну! Помните у Баратынского: «Чем душа моя богата, все твое, о друг Аи!»
 Стас. Все мое, это верно! Нормальный ты мужик, Игорь! И надо бы тебе, конечно, рыльце начистить... Но ладно! Живи! Сегодня я добрый.
 Игоряша. И я вас уважаю, Станислав Васильевич: за силу, прямооту, откровенность...
 Стас. Говори мне «ты».
 Игоряша. Сразу? Неудобно.
 Стас. Удобно, удобно. Хочешь, на брудершafft?
 Игоряша. Давай!

Пьют, переплетя руки.

Стас. Во!
 Игоряша. Исключительный напиток! Го-ло-во-кру-жи-тель-ный! Ты талантливый человек, Стас!
 Стас. Так уж и быть, записывай рецепт!
 Игоряша. Человек с большой буквы! Звучишь гордо! *(Вытаскивает ручку, блокнот.)*
 Стас. Пишешь?
 Игоряша. Пишу.

Стас. Пиши. По весне... в мае... выходишь в поле...
 Игоряша. Куда?
 Стас. В русское поле... *(Поет.)*
 «Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря...
 Я с тобой, мое поле, студит ветер висок...»

Записал?

Игоряша. Записал.
 Стас. Что ты записал?
 Игоряша *(читает)*. «...студит ветер висок...» Хорошие слова!
 Стас. Зачеркни, о висках потом. Пиши: собираешь кило желтых одуванчиков...
 Игоряша. А два можно?
 Стас. Нельзя. Они в «Красной книге». Пиши: кладешь в бутылку, заливаешь водкой. Пускай преет.
 Игоряша *(деловито)*. Горлышко закуривать?
 Стас *(шокированно)*. Не, ты что! Рвануть может... Марлей завязать. Пускай преет.
 Игоряша. Понял. И долго преть?
 Стас. Пока пузырьками не пойдет. О. Тогда валишь туда кило хрену, зерен сельдерейных, укропчику, вафель...
 Игоряша. Каких вафель?
 Стас. «Лимонных». Для крепости.
 Игоряша. И потом?
 Стас. Пусть еще преет. Недельки три. Дальше — процедить, подавать на стол в сугубо охлажденном виде.
 Игоряша. Долгая история. Сага о Форсайтах!
 Стас. Зато вещь!
 Игоряша. Прав, прав! Истинное творчество суеты не терпит. Может, еще продегустируем?
 Стас. Обязательно. *(Пьют)*. Игоряш?
 Игоряша. Аюшки?
 Стас. Что мне в голову-то пришло?
 Игоряша. Я внимаю.
 Стас. Бери ее себе! Черт с ней!
 Игоряша. Нет, ну что ты! Я сам сделаю. По рецепту.
 Стас. По какому рецепту?
 Игоряша. Выхожу в поле. С этим. С виском...
 Стас. Да ты про что, несмышлennyш?
 Игоряша. Про нее. Про настойку эту.
 Стас. А я тебе про Любку толкую.
 Игоряша. Про какую такую Любку?
 Стас. Про жену мою, про Любовь с тобой нашу.
 Игоряша *(морица лоб)*. Про Любовь? И что?
 Стас. Бери ее себе. Разрешаю.

Игоряша. Ах, оставь. Это все пустое. Скверная шутка больного воображения.

Стас. Позво-оль! Ты хотел на ней жениться?

Игоряша. Хотел.

Стас. А теперь не хочешь, да?

Игоряша. А теперь не хочу.

Стас. На моей жене жениться не хочешь? Да знаешь ли ты, вобла, что за такие слова делают в обществе?

Игоряша. Стасик, не кипятись. Возьми себя в руки. Я ошибся. В молодости все ошибаются. Я ведь не знал тебя: думал — медведь, бурбон, монстр... А оказалось — интеллигентнейший мужчина! У тебя такая душа, такие мысли, лицо и одежда... В тебе все прекрасно! Ты похож на рояль: с виду мощный, даже фундаментальный, а внутри струны всех октав и регистров!..

Стас. Чё, во мне-то?

Игоряша. В тебе!

Стас. Да я ж недостоин!

Игоряша. Не наговаривай на себя.

Стас. Я черствый и грубый.

Игоряша. Абсурд!

Стас. Ни одного стиха наизусть не знаю. «У Лукоморья дуб зеленый...» И все. Это я дуб зеленый!

Игоряша. Что стихи? Ты сам поэм!

Стас. В опере меня мутит. В театре я дрыхну!

Игоряша. Это их вина!

Стас. Сына не смогу воспитать. Ему другой отец нужен!

Игоряша. Святой человек!.. Стас, ты переутомился, тебе надо отдохнуть. Хочешь баиньки?

Стас. Ага. Что-то разомлел я совсем...

Игоряша. Бедный ты наш... Сейчас я тебя убаюкаю. *(Пытается снять с него ботинки, но руки не слушаются.)* Люба! Люба!

Входит Люба.

Игоряша. Люба... помогите...

Люба. Игорь Иванович, вы пьяны?!

Стас. Люба, уходи.

Игоряша. Нет, не уходите. Вы мне нужны.

Стас. Тогда оставайся. Раз ты ему нужна. Я тебя отпускаю!

Люба. Да что ж такое-то... оба... как свиньи...

Стас. Я прошу уважать! Это еще пока мой дом!

Люба. Как вам обоим не совестно!

Стас. Ты не смеешь! Он гость! Он будущий отец нашего ребенка!

Люба. Пьяницы несчастные!

Игоряша. Люба! Нельзя так. Извинитесь. Я требую. Вы оскорбили — меня и его. Ну, я-то ладно, я лишний человек. Но его... Его! Этого героя нашего времени! Типичного представителя в галерее

образов... Если подумать, мы его оба недостойны. И я и вы. Кто мы такие? Жалкие солипсисты, нравственные мешане. А он — с его размахом и удалью! Сочетание внутренней красоты и физического совершенства! Мы к нему должны стремиться. Все! Гвозди бы делать из этих людей — не было б в мире лучше шурупов... Стас, не плачь. Я правду говорю. Она просто не смогла тебя оценить. Ты ей не по плечу!

Люба. Пропадите вы оба пропадом! *(Уходит.)*

Игоряша *(вслед)*. Правда глаза колет!

Стас. Черт с ней! Баба! Разве ж она поймет?

Игоряша. Никогда. Баба — она и есть баба. Пей, друг! Я тобой горжусь и люблюсь!

Стас. А я тобой. *(Пьют)*. Запевай.

Игоряша. Чем?

Стас. Не чем, а что. Песню запевай.

Игоряша. Какую песню?

Стас. Какую хочешь. Про любовь.

Игоряша. Про Любовь Пантелеймоновну?

Стас. Не поминай! Тыфу! *(Крестится)*. Просто про любовь. Которая — ух! И без оглядки! Понял?

Игоряша. Сила! Ширь! Размах! Русская душа!.. В таком случае — композитора Пахмутовой на слова ее мужа Добронравова. *(Поет)*.

«Ленточка моя финишная,

Все пройдет, и ты примешь меня,

Примешь ты меня нынешнего,—

Нам не жить друг без друга...»

Стас и Игоряша *(обнявшись хором)*.

«Мы разлучаемся со сказками...

Прошу, стань добрей меня, стань ласковее...»

Входит Люба.

Люба. Что ж вы орете на весь квартал?

Стас. Люба, ты мешанка. Молчи. *(Роняет голову)*.

Игоряша. Тихо, он, кажется, уснул... *(Качает его)*. «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю... Тихо смотрит месяц ясный в колы... бель... твою...» *(Тоже роняет голову)*.

Оба похрапывают на два голоса.

Люба садится, закрывает лицо руками. Пауза. Стук в дверь.

Детский голос. Мама, мама! Открой! Это я, слышишь? Есть хочу!..

Люба *(вытирает слезы)*. Слышу... иду...

Стас *(приподняв голову)*. Куда она пошла?

Игоряша *(сквозь сон)*. К нашему ребенку...

Стас. Не пускай... Задержи... Чему она может его научить?!

Конец.

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

детектив типовой, малогабаритный

АГЕНТУ НОЛЬ СЕМЬ ОДИННАДЦАТЬ БИС
ПРИКАЗЫВАЮ ПРИСТУПИТЬ ОПЕРАЦИИ «ДЕЗОДОРАНТ»
ЧАСТОТА СВЯЗИ СОГЛАСНО ПРЕДПИСАНИЯМ
СЛУЧАЕ ПРОВАЛА САМОЛИКВИДИРОВАТЬСЯ СЪЕВ
КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЕД СТОЛОВОЙ НОМЕР ЧЕТЫРЕ
ЖЕЛАЮ УСПЕХА
ЦЕНТР

— Мама, я влюбился! Мама! — Черешников сдернул с головы берет, схватив двумя пальцами за оттопыренный хвостик, отчего седые волосы на его голове встали дыбом, и затанцевал по комнате, делая антраша, фуэте и арабески.

Анастасия Лукьяновна смотрела на него хмуро, вытирала полотенцем чайную чашку и жевала голубоватую нижнюю губу.

— А в кого? — наконец произнесла она, перестав жевать. — Кто эта неудачница? Студентка твоего института?

— Мама, она богиня! — задрал бороду к люстре Вениамин Алексеевич. — Сказочный профиль, хрупкие пальчики, глаза словно у испуганной кошки. Мы познакомились во дворе.

— Каким образом?

— Я помог ей нести ведро. С пищевыми отходами. Дело в том, что в соседнем доме кто-то пытался спустить по мусоропроводу старый диван. Две недели не могут вытащить. Катастрофа!

— М-да... — только и сказала Анастасия Лукьяновна. — Действительно катастрофа...

Старая мама еще не могла забыть прежнюю матримониальную эпопею своего отпрыска. Четверть века назад восемнадцатилетний Вениамин страстно влюбился в такую же молодую и такую же пылкую укротительницу диких животных. Правда, зверь у нее был один — дряхлый, побитый моллю медведь, который танцевал «Барыню», повелеваемый не одним поколением дрессировщиков. Артисты уходили на пенсию, а бедный Топтыгин продолжал веселить публику. С ним и ездила по стране супруга Черешникова — красивая, вздорная, с южной бурлящей кровью внутри. Несмотря на молодые лета, она имела уже за спиной опыт несчастной семейной жизни и годовалую девочку на руках. Когда влюбленные расписались, Вениамин Алексеевич поселил жену в своей малогабаритной квартире. Жить вчетвером (вместе с Анастасией Лукьяновной) было бы неудобно, если бы не всегдашние гастроли неутомимой артистки. Дома она случалась набегами. Тискала подраставшую дочь, раздавала гостинцы, сетовала на цеховые интриги. Вскоре жена ушла к известному цирковому атлету, коронным трюком которого было раскраивание лбом стандартной железобетонной панели крупноблочного дома. Все разбитые им конструкции могли бы образовать солидных размеров микрорайон. Дочку ее по-прежнему воспитывал отчим. К этому времени Вениамин Алексеевич уже разработал свою теорию одорантов, и женский вопрос для него как бы перешел в разряд малоинтересных. Ученый целиком посвятил себя опытам: с рыбами, птицами, обезьянами. Девочка ему помогала. Выйдя замуж, она уехала разводить в Уссурийской тайге соболей, россомах и других представителей кунных.

— Томный голос, — продолжал восхищаться Вениамин Алексеевич новой своей знакомой, — с этакой нежной табачной хрипотцой... Современная стрижка — называется «баранья башка»... Джинсы «Lee»... Мама, она интеллигентна! В ней бездна вкуса, хорошего тона, иронии, мудрости! Зовут Хельга. Она из Прибалтики.

— Столько информации за одно ведро! — заметила Анастасия Лукьяновна. — Обручальное кольцо носит?

— На левой руке.

Черешников отправился в соседнюю комнату, где у него была устроена лаборатория на дому. Встреченный радостным щебетом

канареек, он принялся кормить бананом шимпанзе в клетке. Обезьяну звали Женюра. Она скакала, как заводная, щелкала языком, складывала губы воронкой. Вениамин Алексеевич гладил ее по плюшевой голове, медленно доставал из портфеля бананы, просовывал за решетку, а сам видел перед собой лицо Хельги — ее зеленые, болотного цвета глаза, рыжие волосы, взбитые современной завивкой, красные десны, которые обнажались, когда она хохотала. «Славная, — думал биохимик. — Добрая. И совсем не юная: лет, наверное, тридцать пять. Как утверждает народная мудрость, лучше есть пожилую курицу в одиночестве, нежели молодую — в большой компании...»

Он скормил Женюре последний банан, посвистел вместе с канарейками, задал им пшена и вернулся в прихожую — снимать плащ. В дверь позвонили. Вениамин Алексеевич отпер замок. На пороге стоял довольно плотный мужчина — в импортной куртке-пальто, руки засунуты в карманы, на голове — тирольская шляпа. У него было симпатичное розовое лицо, какое обычно изображают у Дедов Морозов на поздравительных открытках.

— Чем обязан? — спросил хозяин квартиры, несколько отстраненно разглядывая пришедшего.

— Здравствуйте, Вениамин Алексеевич! — Визитер улыбнулся и показал широкие, лопатообразные зубы, которые плохо прилегали друг к другу. — Рад познакомиться. Андрей Палыч Зинченко. — Он протянул крупную ладонь. — Я войду с вашего позволения?

— Проходите, пожалуйста...

Когда дверь захлопнулась, мужчина достал из бокового кармана красную книжечку с золотым гербом в центре. Его глаза стали строгими.

— Две комнаты, одна — окнами на улицу, другая — во двор, — произвел рекогносцировку вошедший. — Черный ход, понятно, отсутствует. В случае чего придется лезть по карнизу.

— В случае чего? — не понял Вениамин Алексеевич.

— Пока об этом не будем. Вы живете с матерью, Черешниковой Анастасией Лукьяновной, семидесяти семи лет, бывшей учительницей, ныне пенсионеркой?

— Да, все точно. Вам ее показать?

— Нет, пока не нужно. В доме еще кто-то есть?

— Кроме животных — никого.

— Их пока оставим. Телефон ваш позволите? — Андрей Павлович постучал по корпусу аппарата, дунул в трубку, набрал чей-то номер. — Алло, сорок третий? Говорит второй. Проверь шестьдесят шестого. Как там, порядок? Ладушки, ладушки. В случае чего, держи связь. — Зинченко положил трубку на рычаг. — Мы могли бы поговорить с вами откровенно? С глазу на глаз?

— Какие могут быть опасения? Снимайте пальто, товарищ полковник. Пройдемте в лабораторию.

Канарейки примолкли, увидев гостя, а шимпанзе выпростала из клетки загибающую мохнатую лапу и стала скакать, прося подношение.

— Прелесть какая! — Андрей Павлович согнулся, уперев ладони в колени, и начал сюсюкать, как взрослые зачастую беседуют с малышами: — Сто, кроха, сто? Ути, какие мы сильные, ути, какие мы хитрые... От — кафетка — ням-ням. Хочешь, хочешь? Можно ей? — спросил Зинченко биохимика.

— Да, само собой. — Черешников сел, разглядывая своего гостя. Тот был в диагональном костюме, галстук, ботинках на толстой подошве. Голова его, почти полностью без волос, идеально круглая, полированная и чистая, сверкала под лампами лабораторного освещения.

Обезьяна зачмокала. Андрей Павлович смял пустой фантик, сунул его в карман. Сел напротив. Сказал:

— С вашей теорией одорантов я примерно знаком. Расскажите подробнее, если можете. Как вы набрали на идею?

Вениамин Алексеевич распустил рукой бороду:

— Дело, понимаете, в том... Есть такая интересная рыбка — морской юнкер. Семейства губановых. «*Coris julis*» — называется она по-латыни. Я изучал ее, отдыхая в Крыму... Ну, так вот. Дело в том, что она меняет свой пол, достигая определенного возраста.

— Именно?

— От рождения все морские юнкеры — самки. Затем происходит трансформация внутренних органов, и рыбки становятся самцами. Должен отметить, что реверсия пола свойственна и некоторым другим видам.

— И дальше?

— А дальше в результате многочисленных опытов я выделил специальный гормон, который и назвал «одорантом». От слова латинского «*odor*»: они тонко пахнут... Как потом было установлено, одоранты присущи не только рыбам.

— В самом деле? — повел бровью Андрей Павлович.

— Взгляните на обезьяну, — ответил ученый. — Как, по-вашему, он самец?

Полковник посмотрел на Женюру:

— Факт неопровержим.

— Да, но всего лишь месяц назад... он был еще стопроцентной самкой!

Зинченко протяжно сглотнул.

— Вы не шутите? — спросил он, волнуясь.

— Ход реверсии я снимал киноаппаратом. И в любой момент, если нужно...

— После, после. — У полковника меж бровей легла суровая складка; он затарабанил пальцами по столу. — Значит, и люди

тоже? Так я могу понять ваши выводы?

— В принципе, безусловно. Хотя, сами видите, я практических данных пока не имею.

— Ну, это дело времени... дело времени...— повторил Андрей Павлович, размышляя вслух.— Теперь меня волнует иное. Как подобная информация могла уйти за пределы Союза?

— Куда? — Вениамин Алексеевич даже привстал.— Клянусь богом, никогда никому...

— Клятв не надо,— сделал жест рукой Зинченко.— Будем рассуждать по порядку. Вы докладывали у себя на ученом совете?

— Да, конечно. Но к теории одорантов отнеслись как-то холодно. Я поэтому и вынужден экспериментировать на дому.

— Вы писали статьи, авторефераты?

— Писал. Хотел издавать, но пока не доберусь до редакции...

— Рукопись печатали сами?

— Машинистке отдавал. Кстати, она меня и свела о одним журналистом... его зовут Ик. Савельев. Я ему рассказал о Женюре, продемонстрировал киноплёнку... Он был весьма заинтересован. Обещал публикацию.

— Что значит «Ик»? — спросил Андрей Павлович.

— Сокращение от «Икара». Полностью — Икар Митрофанович. Очень симпатичный молодой человек.

— Глупость, глупость...— пробормотал Зинченко.— Недомыслие, скудоумие...

— Что вы имеете в виду?

— Да все то жё! Кто из вас подумал о тех последствиях, которые могут быть, если способ изменения пола попадет к нашим потенциальным противникам?

— Я не знаю...

— Женщины, которые превращаются в мужчин... в боевых единиц... в армейскую силу! Что, неясно?

— Все это очень странно...— промямлил Вениамин Алексеевич.

Зинченко прошёлся по комнате. Щеки его горели, пух на затылке выстроился в колонну по одному, предварительно рассчитавшись на «первый-второй».

— Надо предпринять самые жестокие меры! — Андрей Павлович разрубил перед собой воздух.— Всю лабораторию спрячем в бункер. Труд Ик. Савельева арестуем. Вместо знакомой машинистки посадим нашу сотрудницу, точную ее копию. Есть такие у нас. Вот с ученым советом сложнее... Разве что на морковку отправить в полном составе и там нейтрализовать?

— А не слишком ли круто, товарищ полковник? — вступился Черешников.

— Нам нельзя иначе. В такое время живем. Или мы их, или они нас. Нами расшифрована секретная директива крупного разведцентра

на Западе: они разработали операцию, цель которой — во что бы то ни стало узнать формулу ваших одорантов. Ну, теперь вы осознали?

Биохимик затравленно посмотрел на полковника:

— Как же быть?

— Они обязаны на вас выйти. Вот, запишите телефон: обо всех подозрительных, с вашей точки зрения, контактах сообщайте немедленно. Ваш условный номер — девяносто четыре. Я — второй. Никаких имен, никаких адресов и терминов! Вы прониклись идеей?

— Маму кодировать тоже будем? — осведомился ученый.

— Маму? Зачем?

— Так, для порядка. Например, я скажу: «Докладывает девяносто четвертый. На объекте «зет-игрек» субъект «эр-икс» пытался совершить «дубль-ве» с девяносто пятой, но не смог».

— Что это значит?

— «На колхозном рынке неизвестный товарищ под видом продажи сельдерей хотел завербовать мою маму».

— Только не будем усложнять,— поморщился Андрей Павлович.— Игра, конечно, игрой, но главное — это дело. Краткость — сестра победы.

— Вения, Вения! Про тебя напечатали статью! — раздалось из кухни.

Зинченко замер. Вениамин Алексеевич содрогнулся. Радостная Анастасия Лукьяновна отворила дверь и потрясла центральной газетой, которую держала в руке, будто зная.

* * *

Его разбудили посреди ночи. Телефон визжал, как похищенный поросенок.

— Але! — Черешников долго включал сознание, согнутым пальцем массируя грузные веки.— Слушаю, але.

— Номер какой? — спросила телефонистка.

— Девяносто четыре,— сказал биохимик. Потом спохватился, плюнул и произнес номер телефона.

— Соединяю с Норильском.

— С Норильском? — удивился Вениамин Алексеевич.— У меня там нет никого. Я не хочу говорить с Норильском, я сплю!

Но ему не ответили. Трубка заговорила капризным фальцетом:

— Дядя ученый, это вы?

— Кто это, кто это?! — крикнул создатель одорантов.

— Меня зовут Катя. Мне десять лет. Я хотела бы сделаться мальчиком.

— Каким еще мальчиком? — перешел на высокие тона разбуженный.— Что за шутки в половине второго?

— Я вас очень прошу, пожа-алуйста...— заканючило из Запо-

ляря дитя.— Мы читали газету всем классом. Наши девочки давно про это мечтали...

— Глупости какие! — Черешников грохнул трубку и отправился досыпать. Однако сна уже не было.

Вскоре позвонили с камвольного комбината, комсомолки которого решили добровольно подвергнуться биохимическим опытам. Далее звонки пошли почти непрерывно. Многие изъявляли желание сдать свои одоранты и спрашивали, положен ли за это отгул и бесплатный завтрак. Кто-то хотел сделать из козла козу, дабы получать от нее дешевое молоко, богатое витаминами. Другие же просили обратить их собаку в кобеля и не мучиться больше с устройством рождающихся кутят. Юннаты близлежащего Дворца пионеров вызвались устроить круглосуточное дежурство около клеток с подопытными животными. А представители молодежного клуба «Бегущие по волнам» звали прийти на вечер «Встреча с интересной обезьяной», имея в виду, естественно, шимпанзе Женюру. Какая-то злосчастная дама спрашивала, не превратил ли Черешников ее мужа в особу женского пола, потому что вот уже год, как он исчез, прихватив с собой ее шубу, зимние сапоги, брошки и колье. А чей-то сердитый голос пообещал прибить правофлангового науки, если тот попадется ему на пути. «За что?» — оторопел биохимик. «Будто сам не знаешь!» — ответил голос.

Популярность приобрела угрожающие размеры. Позвонили со студии научно-популярного кино и сообщили, что придут снимать обезьяну с хозяином для нового полнометражного фильма «Внимание: организм!». Парфюмерная фабрика поставила в известность о намерении назвать новую туалетную воду, равно пригодную для употребления всеми полами, «Одорантом «Женюра». А знаменитый композитор спел по телефону, в порядке консультации, только что написанный шлягер, который начинался словами: «Я прошу тебя, не меняйся, хрупкой девушкой оставайся...»

Не лучше обстояло и в институте. Студенты окружили Черешникова и закидали вопросами об изменении пола у высших млекопитающих. Вениамин Алексеевич еле отбилсЯ. Коллеги же по родной кафедре биохимии в отличие от других восприняли статью Ик. Савельева очень сдержанно. Кто-то перестал с Черешниковым здороваться. На него смотрели скептически, что-то шептали друг другу по углам, неприязненно усмехались. «Зря вы ставите на копеечную сенсацию, — откровенно сказал ему один из преподавателей. — Всё это раздражает. Но отнюдь не доказывает. Были уже и параспихологи, и летающие тарелки, и люди, которые могли читать задницей. Лично я верю только фактам». «А моя обезьяна? — спросил Черешников. — Это факт!» «Посмотрим, подумаем...» — неопределенно пожал плечами преподаватель. Только молодая кандидатка наук, давно имевшая виды на первооткрывателя одорантов, от души расцеловала возлюбленного: «Вениамин Алексеевич,

вы талант. Просто гений. Я всегда преклонялась перед вашей необузданной мыслью. Не хотите ли подвергнуть меня какому-либо поло-гормональному испытанию? Я заранее согласна на любой опыт». Не успел ученый вежливо уйти от опасной темы, как на кафедру вбежала секретарь Агина:

— К самому! Черешников! На ковер! Немедленно!

Агин был ректором. Его звали «Альбинос» — благодаря белой коже, светлой прическе и почти бесцветным глазам. Ректор носил очки в тонкой серебряной оправе, серый костюм, серый галстук и такие же мокасины. Вся одежда на нем сидела безукоризненно, он вообще казался божественным существом, лишенным страстей, апостолом, высшим судией и пророком. Говорил Агин дистиллированным языком, словесные конструкции употреблял из передовых центральных газет и неодобрительно относился к разного рода смутьям, которые кипели сомнительными идейками. Это был гений стерилизации, консервации и анестезии.

— Доброго здравия, Вениамин Алексеевич! — Ректор поднялся, протянул холодноватую руку с тонкими, аккуратно подстриженными ногтями. — Видели, знаем... Мне уже звонили из Академии медицинских наук... Что ж вы, родименький, скрывали свои успехи? Это нехорошо. Не по-дружески!

— Я не скрывал... — Черешников утонул в кресле, обитом синтетической кожей, которая вздыхала и охала под грузом сидящего. — Информировал ученый совет. Но никто к этому серьезно не отнесся. И вы в том числе — извините за откровенность...

Агин развел руками:

— Потому что — текучка! Прилетел из Парижа. Представляете, доктор Пирсон намеревается трансплантировать человеческий мозг! Я давал ему бой. Обратил внимание широких кругов на моральный, а также классовый аспект этой операции. Многие меня поддерживали. В частности делегаты Индии, Болгарии и Марокко... Нуте-с, а вы? Как с моральной стороны ваших одорантов? Нравственно ли это — менять пол по своему произволу? Не приведет ли это к административному хаосу? Что же выйдет? Половой дисбаланс? Срыв политики демографического подъема?

— Реверсия пола у людей — дело проблематичное, — опустил глаза Вениамин Алексеевич. — И потом я не думаю, чтобы каждый...

— А думать вместе с тем надо! — погрозил длинным пальцем ректор. — Тщательно проверить и обсудить... Ну, я понимаю, в домашних условиях проводить опыты — это профанация. Вам нужна солидная экспериментальная база, материальное подкрепление. Я готов этому способствовать. С привлечением мощностей нашего института...

Гений биохимии просиял:

— Был бы... весьма польщен... в вашем лице...

Альбинос кивнул:

— Да, в моем лице... в моем лице вы приобретаете не только единомышленника, соратника, но и друга! Время талантливых одиночек минуло навсегда. Современная наука диктует свои законы: разумное разделение труда, интеграция в каждой отрасли... Вы подбрасываете идеи, мы их подхватываем, углубляем, внедряем в практику... Связь науки и производства — вот что выходит на деле... — Он посмотрел на доцента своими пронзительными глазами. Тот сначала даже не понял, что имеет в виду Альбинос. Но потом до него дошло:

— Вы желаете... чтобы у меня...

— Нет, не я желаю — эпоха требует! Мы сплотим около себя достойных людей. Это будет мозговой трест, интеллектуальная атака на проблему. Лично я беру на себя переговоры в верхах. И организацию издания книги. Мой опыт, мои контакты способствуют этому...

Черешников пошел пятнами. Он представил свои бессонные ночи, опыты в кустарной лаборатории, собственные деньги, выплаченные за корм животных, выходные и праздники, заполненные только работой, свою несчастную семейную жизнь, которая и стала несчастной из-за одержимости и фанатизма, и мысль продать все это за здорово живешь Альбиносу поразила Черешникова в самое сердце. Он проговорил:

— Вы... знаете ли, кто вы после этого?.. Мне стыдно слышать от вас подобные предложения. Это хамство!

Губы ректора сделались совсем белыми:

— Жадность погубит вас! — резюмировал он еле слышно. — Мне казалось, что вы поймете. Я не о собственной выгоде забочусь. И не о вашей, само собой. Я забочусь о благе науки! Об истине, из которой народное хозяйство могло бы получить определенную пользу! Но вы не хотите... Как скупой рыцарь, вы дрожите над своим детищем... Ладно, пускай. Я считаю, что разговора этого между нами не состоялось. Будьте здоровы. — И, сухо кивнув, Агин зашелестел какими-то сводками.

Вениамин Алексеевич, бормоча непонятные, глупые слова, встал и вышел, надсадно поскрипывая по ходу натертыми паркетными половицами.

* * *

Хельге он позвонил после семинаров. Ее голос, чуть-чуть хриловатый, тягучий, с едва заметным прибалтийским акцентом, провоцировал в трубке:

— Я свободна сегодня. Можем встретиться. В шесть около Сергеича — как, договорились?

— Кто такой Сергеич? — спросил Черешников.

— Вы в каком городе живете, лунатик? Школьнику известно, что самое лучшее место московских свиданий — это возле Пушкина, отца

которого звали Сергеем. Там и кафе очень много. Есть куда деться. Лады?

— Гм-м... лады,— ответил ученый.

Капал осенний дождик. Хельга была с красно-фиолетовым зонтиком, в красном плаще и фиолетовых брюках. Сумка через плечо, алые губы, веки оттенены серебристо-зеленоватой краской. Вениамин Алексеевич подарил ей букетик роз, купленный у торговки за пять рублей. Хельга зарделась, трепетно опустил нафабранные ресницы:

— Очень тронута. Мне давно не преподносили цветов.— Она раздвинула кончиком носа округлые лепестки.— Пахнут волшебю. Спасибо, Вениамин.

— Рад, что они вам понравились.

Он смотрел на нее восторженно. Вся его внешность, добрые морщинки, белые, давно не стриженные вихры, торчащие в разные стороны из-под берета, детские губы, немодное пестрое кашне и курчава борода, которая росла прямо из шеи,— все это говорило о том, что человек он приятный, хотя и чудаковатый, до обидного непосредственный, склонный к сомнениям и рефлексии, но имеющий в жизни цель, ради которой способен жертвовать многим. Люди такого типа нравились Хельге. Она сказала:

— Что ж мы стоим? Действуйте, славный рыцарь! Дама проголодалась, у нее зябнут пальчики. Дайте ей тепла и немножко пиши. Клянусь, она тогда навек будет вашей!

Приободренный дерзкими словами, Вениамин Алексеевич подхватил даму под руку и зашагал с нею в бар, в котором раньше губила время веселая местная молодежь, а после указа от 1 июня собирались одни только передовики производства, отличники боевой и политической подготовки, а также именные стипендиаты технических институтов. В зале было полутемно. Тихо играли Саймона. Тихие посетители тихо тянули из трубочек безалкогольный коктейль. Все располагало к невинности и возвышенным мыслям.

Ученый заказал курицу, поджаренную на гриле, кофе, коктейль и пирожные. Курица была мягкой. Хельга облизывала сальные пальчики, громко смеялась, явно кокетничала со своим спутником.

— Расскажите мне о себе,— попросил Вениамин Алексеевич.

Промокая губы салфеткой, женщина закатила глаза:

— О-о, рассказывать о себе — это гиблое дело. Стану говорить об удачах, получится — хвастаюсь. Если же о несчастьях — вроде на сострадание набиваюсь. Никому не приятно — ни мне, ни вам.

— Нет, ну, а все ж таки? Мне хотелось бы знать — кто вы, что вы, откуда?..

— Зачем? Странные русские: пункты анкеты для вас важнее того, что видят глаза и чувствует сердце... Впрочем, и мы порой страдаем от бюрократов... Ну, ладно. Мой папа — специалист сельского хозяйства.

Мама — специалист хозяйства домашнего. Они живут в своем домике на берегу тихой речки. Папа выращивает левкой. Мама все думает: как там живет в Москве славная девочка Хельгочка? И скоро ли вернется обратно? Что еще вы хотите знать, Эркуль Пуаро на общественных началах? Я закончила высшее учебное заведение, была замужем, встретила вас — а вы мне помогли нести мусор. Вот и вся биография.

Гений биохимии задумчиво мешал черный кофе:

— У меня еще проще: работа, работа, работа... Для чего, если разобратся?

— Ну, наверное, для прогресса.— Хельга прикурила от спички.— Или же для известности. Вы хотите стать знаменитым, профессор?

— Не знаю. Теперь не хочу. Домика хочу — на берегу тихой речки. Цветы, жену. Больше ничего.

— Вы устали.— Она провела рукой по его плечу.— С женой и цветами, на берегу тихой речки вам надоест очень быстро. Вы не сможете без науки.

— Я устал от кретинов, которые меня окружают,— вздохнул ученый.— Я устал играть в «казаки-разбойники». В «да и нет не говорите, черного и белого не называйте...» Не хочу быть проходной пешкой!

— Всеми нами играет кто-то,— философски заметила Хельга.— Так заведено, тут уж ничего не изменишь. Надо играть свои роли до конца...

Они вышли из кафе. Стало холодно, ветер применял прессинг по всему уличному полю. Грузный мужчина в шляпе, надвинутой на самые уши, в плаще с поднятым воротником, отделился от угла подворотни и пошел вслед за Хельгой и ее кавалером. «Так,— подумал Вениамин Алексеевич, внутренне напрягаясь.— Кажется, началось. Судя по всему, этот вооружен до зубов. Наемный убийца. «Крестный отец». Именно такие свергают правительства, неугодные ЦРУ. Я погиб. Моя песенка спета».

— Куда вы все время смотрите? — Хельга прервала свой рассказ в самом неожиданном месте.

— Я?.. Никуда...— замаялся Черешников.

— Тогда меня поцелуйте.— Взгляд ее был решителен и серьезен.

— Как, прямо здесь?

— Ну, а где же, профессор?

— Здесь не могу,— замотал головой биохимик.— Мне стыдно.

— Чего?

— Не чего, а кого. Видите гражданина, который следит за нами?

Хельга взглянула на человека в шляпе. Крикнула:

— Эй, приятель! Ты зачем это ходишь в такую погоду? Тебе делать нечего? Завтра на работу, иди отдыхай! Чао!

Незнакомец от этих слов явно вздрогнул, нерешительно повернулся

и двинул в противоположную сторону. Хельга рассмеялась:
— Ну, вот видите? Все нахалы ретировались. Можете меня целовать без зазрения совести.

Она притянула его за лацкан плаща, смачно облобызала щеки и губы. Он ей ответил. Так они целовались в течение получаса, во время которых Черешников то и дело поглядывал в жуткую темноту: не вернулся ли наемный убийца? Но убийца отсутствовал.

* * *

Вениамин Алексеевич спустил ноги на пол, принялся надевать штiblеты. Из-под майки со скрученными бретелями выдавались его остроконечные лопатки. Крупными бугорками бежал по спине хребет. Вообще гений биохимии без одежды был намного менее авантажен, чем в галстукe и рубашке. Хельга отметила про себя это обстоятельство.

— Ты уходишь? — спросила она, кутаясь в одеяло.

— Обезьяна не кормлена, — ответил ученый. — Эксперимент может провалиться.

— Мама покормит. Позвони и напомни.

— Мама боится. Шимпанзе напоминает ей мою первую супругу. Нет, не внешностью, а уровнем интеллекта.

Хельга закурила:

— Значит, для тебя наука важнее нашей любви? А говорил, будто домик, цветы и жена — это самое главное теперь.

— Ты была права: мне написано на роду совмещать и то и другое... «Да и нет не говорить, черного и белого не называть...» Кстати, об играх. — Он почему-то вспомнил убийцу, и его посетила блестящая мысль. — Можно ли тебя попросить об одной незначительной услуге?

— О значительной, незначительной — любой.

— Я хотел бы... на какое-то время... спрятать свою рукопись. Формулы, расчеты. Данные опытов. Ролик с пленкой... Трудно объяснить, почему. Просто — игры... Я обещал... Можешь быть покойна: в этом нет ничего противозаконного.

Женщина согласно прикрыла веки:

— Сделаю, как ты хочешь. Я люблю тебя, дурачок. Нет, на самом деле люблю. Сама не знаю, как это получилось...

Он поцеловал ее в щеку, слегка боднул, захихикал:

— Потому что я красавец мужчина. Знаешь, как студентки за мной охотятся?

— Ладно, трепач. Иди к своей шимпанзюге. Увидимся завтра.

Она проводила его до дверей. Чмокнула, заперла замок.

Вениамин Алексеевич, напевая что-то из Лядовой, бодрой походкой спускался вниз. Эта женщина, такая экстравагантная, тонко чувствующая его внутренний мир, придала ему силы. Хотелось

окунуться в работу, открыть все, что до сих пор не открыто, разгадать все, что до сих пор не разгадано.

В подъезде Черешников увидел убийцу. Тот стоял и смотрел, довольно громко дыша. Темные мохнатые баки топорщились на его мясистых щеках. Дикie глаза были налиты кровью. Вениамин Алексеевич замер на последней ступеньке, сделал шаг назад, но убежать постеснялся.

— Что вам надо? — проговорил он пугливо. — Почему вы преследуете меня?

Толстой рукой хватая перила, гангстер начал медленно подниматься.

— Я тебя ищущ со вчерашнего вечера. — Голос его был сипуч и загробен. — Любoй ценой... Слышишь, любой... У меня богатые покровители... Нам необходимо сотрудничать...

— Я не предатель! — гордо заявил биохимик. — Честь моей страны, моего народа! Вы не смеете! Есть международное право!..

— К черту право! — задышал ему в лицо мафиози. — В этом мире покупается всё: и люди, и страны, и формулы одорантов... Мы, конечно, могли бы действовать иными путями. Но страх огласки толкает к неофициальным контактам... — Он притиснул Черешникова животом к стене. — Моя фамилия Густопсиди...

Вениамин Алексеевич дернулся, сделал обманный финт, проскользнул у громилы под мышкой и пулей бросился вниз по лестнице.

— Стой! Куда? — завопили баки. — Ты не бойся, мы люди честные... Мы друзей не надуваем, пойми...

Резвый ученый по-спринтерски перебежал через двор, залетел в свой подъезд, ринулся к лифту, взымал на пятый этаж, отпер ключом квартиру и, только захлопнув дверь, облегченно вздохнул.

— Что с тобой? — Анастасия Лукьяновна стояла в ночной рубашке и тапках на босу ногу; ее волосы были заплетены в тонкую косичку. — Где тебя носит? Двенадцатый час на дворе!

— Будет, будет... — махнул на нее рукой Вениамин Алексеевич. — Только один звонок... — Он положил на колени телефон и принялся набирать номер Зинченко. Андрей Павлович, как всегда, был в рабочем кабинете. Выслушал сбивчивый рассказ биохимика, уточнил кое-какие детали.

— Он сказал, что его фамилия Густопсиди? — Полковник задумался. — Странно, странно. Полагаю, что это липа. Слишком уж отдает литературой... Сколько предлагал денег? Не знаете? И в какой валюте — доллары, франки, фунты стерлингов? Тоже не успели спросить? Хорошо, с завтрашнего дня я приставлю к вам своего сотрудника. Он за вами походит. И держитесь смелее. Главное, что они обнаружили себя. А теперь уже дело техники. Никуда не денутся, не допустим!..

* * *

Три дня прошли в каком-то полусне. Густопсиди не объявлялся, Андрей Павлович сетовал, что его спугнули, зато Хельга наполняла все свободное время изобретателя одорантов. Он представил ее Анастасии Лукьяновне. Мама на первых порах отнеслась к увлечению сына холодно, неодобрительно даже, задавала Хельге каверзные вопросы и извила насчет дурного характера своего наследника («то сидит со своими обезьянами, то с ума сходит при виде женщин»). Но затем очень скоро ум и такт, свойственный прибалтке, ее теплые отношения к своему избраннику, юмор и доброта Хельге покорили сердце усталой мамы. Они пили чай, обменивались рецептами блюд и лекарств, веселили друг друга забавными случаями. Единение было полным. Вениамин Алексеевич прокрутил возлюбленной киноленту с изменением пола у шимпанзе. Хельга была потрясена. Она сидела безмолвно, потом подняла на Черешникова встревоженные глаза и произнесла: «Это не менее страшно, чем атомный взрыв. Кто будет обладать секретом? Нарушение равновесия... Новая конфронтация... Новый виток... И вообще — зачем было открывать то, что может повредить человечеству?» «Знания не могут вредить», — сказал Вениамин Алексеевич. «Ты не прав. Знания порой убивают...» Данные опытов, бумаги и дневники они поместили в «дипломат» с кодированным замком и под покровом ночи перенесли его на квартиру к Хельге. Было решено, что завтра влюбленные пойдут в загс. Он уже не мог существовать без нее. И она, по многим признакам, тоже.

На другое утро Вениамин Алексеевич встал и ощутил за спиной маленький пропеллер. Будто Карлсон, Черешников надавил на собственный пуп и воспарил к потолку. «Я лучший в мире изобретатель одорантов! — пела его душа. — Я мужчина в расцвете! Меня любит феноменальная женщина! На которой я сегодня женюсь!» Он порхал возле абажура, когда в комнату зашла Анастасия Лукьяновна с утренней газетой в руке. Она сказала:

— Про тебя опять статью напечатали. Но уже разгромную.

— Как разгромную? — опешил доцент, падая с потолка.

— Твой дружок Агин. И название-то какое: «Дутые сенсации и разбойники от науки». Камня на камне не оставляет. А реверсия пола у твоего шимпанзе — знаешь, что такое? Трюковая съемка, не больше.

— Трюковая съемка?! — задохнулся Черешников. — Негодяй... подонок... Дай сюда, я прочту! — Он схватил статью и принялся скакать глазами по красиво разверстаным столбикам. — Что за грабитель... Какую базу подводит, ты чувствуешь? Классиков цитирует... — Вениамин Алексеевич отшвырнул газету. — Я ему нанесу оскорбление действием. Зайду в кабинет и ударю.

— Правильно. Он тебя и посадит, — кивнула Анастасия Лукьяновна. — Тоже мне, нашел метод!

— А это — метод? — Ученый показал бородой на газету. — Он фактически назвал меня этим самым разбойником. Да еще в таком органе! Теперь со мной никто разговаривать не захочет!

Мама провела старческой рукой по его вискам:

— А куда они денутся? Придет время... Скольких на моей памяти лжеучеными объявляли... Милый ты мой!.. Где они теперь, критиканы рьяные? Сами читают лекции о том, что еще вчера сокрушали... — Она поцеловала сына в висок.

Позвонили в дверь. Черешников завздыхал:

— Я в трусах. Открой, будь любезна.

Мама заковыляла в прихожую. На пороге стоял Густопсиди.

— Где он? — спросил убийца, протискивая могучее тело в дверной проем.

— У себя, а что? — не поняла женщина. — Кто вы вообще такой?

— Я тренер, — сказал пришелец, тяжело отдуваясь. — Тренер по женскому дзюдо!

Вениамин Алексеевич вышел из комнаты. Он был бледен.

— Мама, оставь нас, — проговорил биохимик. — Я хочу поставить все точки над «i».

Густопсиди снял шляпу. У него была антрацитовая шевелюра, такие же бакенбарды, брови и волосы, торчащие из ноздрей.

— Можно водички? — Он посмотрел на маму просительно. — А то прямо с поезда. Мы под Москвой, на базе живем. К встречаем готовимся...

Выпив стакан воды, тренер повеселел.

— А теперь вопрос, — вытер он рукой темные губы. — Кто же прав — Ик. Савельев или член-корреспондент Агин? Метод у тебя существует?

Нервный ученый затрепетал нижним веком:

— Вам-то какая польза?

— Самая-самая, — придвинул лицо к лицу Густопсиди. — Только — тс-с... Абсолютно секретно... гениальная постановка вопроса... Мужскую команду трансформируем в женскую. Сила, сноровка у них остаются прежними. А бороться им предстоит с обыкновенными девушками... Гарантирован успех! Сборная страны... Мировые чемпионаты... Слава, медали... Теперь усек?

— Теперь усек. — Вениамин Алексеевич скривил губы. — Только я ничем не смогу вам помочь. Мои гормоны одностороннего действия: делают из женщин мужчин. Но никак не наоборот.

Густопсиди испуганно задвигал щеками:

— Фу-ты, ну-ты, а мы ведь думали...

— И потом я не для того получал одоранты, чтобы на них... грели руки... всякие такие, как вы!

Тренер сказал вставая:

— Только не надо вот это — ля-ля! На себя погляди. Аферист.

Всех надул, а еще куражится.— Он повел плечами, надел шляпу и покинул квартиру, хлопнув дверью.

Вениамин Алексеевич какое-то время сидел в философских раздумьях. Потом дернул головой, отгоняя неприятные мысли, и пошел звонить Хельге. Но его любовь к аппарату не подходила. Тогда Черешников сделал зарядку, принял холодный душ, выпил кофе, покормил обезьяну и канареек, выбрил щетину, надел костюм, поцеловал маму в щеку и отправился в институт. Но не успел он дойти до институтских дверей, как позади себя услышал твердый голос полковника Зинченко:

— Здравствуйте, девяносто четвертый.

Андрей Павлович сидел в белой «Волге» и манил ученого пальцем.

— Здравствуйте, второй,— громко зашептал доцент, подходя вплотную.— У меня для вас отличная новость. «Эр-икс» оказался совсем не тем, за кого мы его принимали.

— «Эр-икс» — это кто? — вскинул брови полковник.

— Ну, объект... Вернее, субъект. У которого есть металл.

— Слушайте, говорите впрямую,— обиделся на него Зинченко.— Ни черта с вами не поймешь: «металл», «эр-икс»... Что за ахинея?

— Я имею в виду Густопсиди.

— А-а. Его мы раскусили давно... Садитесь в автомобиль, время дорого.

— Да, но у меня лекция,— сказал Вениамин Алексеевич.

— Лекцию свою вы прочтете позже. Я согласовал. Едем, быстро.

Пока я еще могу вести этот керогаз...

Устроившись на переднем сиденье, ученый спросил:

— Вы неважно себя чувствуете, Андрей Палыч?

«Волга» рванула с места.

— Да, ранение в плечо и бедро,— кивнул Зинченко.— Потерял много лимфы. И потом я не ел, наверное, суток девять.

— Хотите банан? У меня с собой.

— Мне бы щей горячих,— проглотил слюну Андрей Павлович.— Каши гречневой... В отпуск поеду к маме, в Липецкую область, тогда уж отъежусь...— Он махнул постовому по-свойски и погнал машину на красный свет.— Лучше скажите, как вам статья неизвестного Агина?

— Свинство,— ответил Черешников.— Подлая душа.

— Мы ее поддерживали. Надо было нейтрализовать Ик. Савельева. Политика, знаете... Сложные игры...

«Волга» остановилась.

— Куда мы приехали? — выглянул в окно Вениамин Алексеевич.— Какой-то пустырь...

— Кругом наши,— заверил его полковник; он повернул кольцо, надетое на мизинец: — Говорит второй. Я с девяносто четвертым. Пароль: «Белая азалия расцветает в полдень». Прошу пропустить.

Возле носа машины разверзлась земля, и они заехали в довольно светлый тоннель.

— Здесь вы и будете работать,— сказал Зинченко.— На втором этаже. Но не вверх, а вниз... Можно выходить.

Толстые двери перед ними разъехались. Вдаль убегал длинный коридор, выстланный паласом. Они долго ступали по нему, вместе с коридором сворачивая то влево, то вправо. Наконец Андрей Павлович притормозил у дубовой двери, на которой висела табличка: «ЛОЧ-15-11».

— «Лаборатория одорантов Черешникова»,— разъяснил полковник.— Неплохо, да? Ну, заходим.

В чистом просторном помещении мерно горел неоновый свет. Слева стояли шкафы с блестящим хирургическим инструментом. Темными квадратами зияли выключенные экраны дисплеев. Справа были размещены клетки для обезьян. В центре, на операционном столе, покоился «дипломат», который принадлежал Хельге.

Черешников онемел. Он смотрел на полковника расширенными от страха глазами.

— Не пугайтесь,— ободрил его Андрей Павлович.— Все будет хорошо. Код мы раскрыли: девять — сорок один. Сумма, которую вы отдали за ужин в безалкогольном кафе.

— Да... Вам и это известно?

Зинченко подмигнул:

— А теперь посмотрите, все ли документы на месте.

Вениамин Алексеевич вяло и как-то безразлично заглянул в «дипломат».

— Ничего не пропало... Скажите, что с Хельгой? Она жива?

Полковник подошел к одному монитору, набрал пару кнопок и сказал в микрофон:

— Говорит второй. Дайте по третьему каналу видеозапись сегодняшней операции. Нет, не с начала, а когда произошел контакт. Да, с момента появления «Оппель-Кадетта».

Ученый впился глазами в экран. Он увидел заграничный автомобиль, из которого вышел невысокого роста субъект в шляпе и длинном пальто. Заперев машину, человек достал из багажника «дипломат» и отправился по направлению к парку.

— Тот, другой, ждет возле карусели,— сказал Зинченко.— Как бы случайно они окажутся рядом. И произведут обмен чемоданами. Сделаем помедленней — специально для вас.

Вениамин Алексеевич вытащил платок и вытер им вспотевшую шею. Его бил озноб.

Он действительно увидел, как два человека, летящие на свободно привязанных скамьях карусели, быстро махнулись «дипломатами» и как после остановки аттракциона их дождалась группа наших сотрудников. Второй сдался быстро. Первый, напротив, кинулся

в боковую аллею и побежал к своему «Кадетту», путаясь в длинных полах пальто. Его начали преследовать. Камеру бросало из стороны в сторону, мелькали головы, руки и зубы. Кто-то в кого-то стрелял. Разбивались лампочки, гасли фары, летели автомобили — с набережной, сквозь паранет, прямо в реку. Неизвестный в пальто был задержан в канализации, куда он спустился, открыв люк на улице. Завершающий кадр показал его лицо крупно: восторженные волосы, ссадины на щеках и на лбу, пересохшие губы. Это была Хельга.

Зинченко погасил экран. Сделал последний комментарий: — Ее зовут Магдалена-Гертруда-Агнесса фон Розенкранц. Сотрудница представительства одной малодружественной нам страны. Как дипломат она неприкосновенна. Поэтому ее объявят персоной нон грата и выдворят за рубеж. Вот и все.

Черешников опустился на стул:

— Я смогу с ней поговорить? На прощание?

— Полагаю, что нет.

— Ну, а видеть? Всего только раз?

— Вениамин Алексеевич, голуба, не стройте напрасных иллюзий. Она профессиональный разведчик. И вы...

— Просто я хочу посмотреть ей в глаза, — ответил ученый. — Посмотреть — и ничего больше.

— Но это ведь глупость, ребячество. Вы поймите...

— Таково мое неперемненное условие. Условие всей моей дальнейшей работы, — отрезал доцент.

Зинченко пригладил пушок на затылке:

— Хорошо. Я попробую это утрясти...

* * *

Был довольно невзрачный осенний полдень. С неба сыпался мелкий снег. Толстобрюхие аэробусы ударялись гигантскими шасси о железобетонные плиты. Реактивный рев закладывал уши.

Вениамин Алексеевич, окруженный тремя невозмутимыми лицами в штатском, стоял неподалеку от двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Тут же, привалившись плечом к стене, курил Зинченко.

Диктор сказал:

— Производится посадка на рейс... ква-ква-ква... Москва — Лилленбаден.

Черешников побледнел: он увидел через стекло Хельгу.

Его любовь была все такой же: в мелко закрученных колечках рыжих волос, фиолетовых брюках и стеганой куртке. На плече ее висела спортивная сумка. Женщина шагала в толпе отлетающих — спокойная, беспечальная, уверенная в себе.

Вениамин Алексеевич сделал движение вперед, вызвав мгновенную реакцию сопровождавших мужчин. Но это не помогло: Хельга его заметила. Она остановилась. Пассажиры задевали ее слева и справа,

оглядывались, недоуменно смотрели, проходя. Только Хельга не обращала внимания. Она видела того, к кому успела неожиданно прикипеть. И с кем ей не суждено было больше встретиться. Она развела руками, грустно улыбнулась, сделала шаг, другой, взмахнула ладонью и побежала догонять остальных пассажиров.

Черешников закрыл веки. Во рту его было горько. Он повернулся и пошел, сам не зная куда.

Потом они сидели в машине. Долго не произносили ни слова. Наконец полковник проговорил:

— Ну, пришли в себя? Успокоились?

Биохимик провел рукой по глазам:

— Что за бессмыслица!

— Вы о чем? — посмотрел на него Андрей Павлович.

— О стеклянных стенах. Которые между нами.

— Эх вы, батенька, в философию полезли. — Зинченко поправил свою тирольскую шляпу. — Так устроен мир. Весь перегорожен. Каждый сидит в своем окопе.

— Я и говорю: околесица!

— Время придет, люди заживут по-иному. Только я боюсь, мы, Вениамин Алексеевич, до этой благословенной эпохи дотянуть не сумеем... Ладно, поехали играть в наши игры дальше? — Он включил зажигание и надавил на старт.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я не пишу детективов!»	2
«Исцеление» Поля Бандероля	4
Мода сегодня	5
Вутербродные посиделки	7
В космос и обратно	9
Я тебя уважаю!	15
Персона нон грата	28

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ КАЗОВСКИЙ

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Редактор В. И. Свиридов
Техн. редактор С. М. Вайсборд

Сдано в набор 20.11.85 г. Подписано к печати 26.02.86 г. А 01929.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,17.
Тираж 75 000. Заказ № 1939. Изд. № 601. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», Москва А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

